

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр перспективного развития

Приложение к информационному дайджесту: политика, образование, университеты

9 января 2013 года

Записки инопланетянина

Профессор М.Ю. Сидорова

Об отсутствии государственного мышления

Больше всего огорчает и удивляет, что образованием в великой стране управляют люди, лишённые государственного мышления, обладающие мышлением близоруким, узким, мелкопоместным, в худшем смысле этого слова – провинциальным. В первую очередь эта мелкопоместность заключается в нежелании или неумении видеть реальные государственные задачи.

Например, если бы я была министром экономического развития, я бы позвонила министру Ливанову и спросила: «Вот у меня в планах создание в РФ мирового финансового центра. Предвидится (и уже пошел) вал переводной документации, огромное количество текстов, для которых в русском языке и слов подходящих еще нет. Нужны квалифицированные переводчики, редакторы, люди, способные обрабатывать динамический массив информации по крайней мере на двух языках – русском и английском.

Нужны люди, способные создать лексическую базу для описания явлений современной финансовой жизни, без чего невозможно ни внедрение зарубежных финансовых инноваций, ни создание правовой основы для их использования. Как вы со стороны своего министерства обеспечили наши потребности? Как будут осуществлены повышение качества и подготовка

достаточного количества специалистов, которые вместе с юристами документально обеспечат важнейшую для государства программу?»

Очень просто все это будет обеспечено: **прием на филфаки сокращается, ни редакторов вам не будет, ни переводчиков, ни терминологов и лексикографов, ни спичрайтеров, ни специалистов по лингвистической экспертизе.**

А у нас, я напомню, не страна англосаксонского права, у нас всякий финансовый инструмент, чтобы быть реализованным, сначала должен быть прописан на бумаге и утвержден, то есть объяснен законодателям.

Тот факт, что в стране реализуется Программа повышения финансовой грамотности населения, никоим образом этими людьми не ассоциируется с актуальностью филологического образования.

Тысячу раз было сказано, что никакие IPO не будут “народными”, пока народ не поймет, что такое IPO и зачем оно народу нужно. Кто дружески положит руку на плечо журналисту, который пишет в газете про вторичное (!) IPO, и скажет проникновенно: «Не надо, брат. I stands for “initial”. Вторичного первичного не бывает?»

Кто будет объяснять людям, что срочный кредит – это не кредит, который выдается срочно, а кредит, который выдается на срок? Что слова «беспорный» и «ничтожный» в юридическом документе имеют совсем не то значение, что в повседневном языке? Что значит «безакцептно списать»? Это юрист будет делать? Финансист это будет делать? У него нет такой компетенции, она у него в образовательном стандарте не записана. Он (в подавляющем большинстве) не умеет это делать, не обучен.

Вон банкиры жалуются: большая часть споров по кредитным договорам обусловлена тем, что люди просто эти договора не читают. Тут вспоминается царь из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: да как же тебя понять, коль ты не говоришь ничего? Если почти у каждого нашего банка в кредитном договоре начало с концом предложения не стыкуется, если такое пишут, что я это зачитываю в докладе на Всероссийской конференции юристов региональных банков, а зал хохочет и спрашивает: «Где вы этот кошмар взяли?» Я им отвечаю: «Из ваших же кредитных договоров»... Меня после этого доклада чуть не смели со сцены: ринулись юристы из разных банков, рвут на части, суют визитные карточки, спрашивают: «А так правильно?» «А вот

скажите про такой пассаж...» Совсем эти люди не были похожи на тех, кому не нужны филологи.

На той же конференции выступал начальник юридического отдела одного из крупных наших банков, человек достаточно молодой: показывал презентацию, комментировал ее, а я все шею вытягивала – неужели такой уровень речевой культуры, такое риторическое мастерство и без бумажки? Когда он закончил выступать, выразила свое восхищение и спросила: «Откуда такая высокая ораторская квалификация?» «Я, — говорит, — изначально на филфак готовился. В последний момент свернул на юридический».

Так вот, когда такой человек говорит с трибуны, уверенно, сильно, точно излагая свои мысли, — это лицо страны, это знак – с нами можно иметь дело. А когда раздается с трибуны беканье-меканье или пустозвонные «танцы с бубном» на тему «дайте нам инвестиции» или «возьмите у нас кредит», то никакого доверия оратор не вызывает. Мир большой, ни на ком он клином не сошелся, чтобы защищать свои позиции, современный человек должен уметь говорить.

Кто-нибудь скажет: так и не нужны нам филологи, мы юристов, экономистов, политологов говорить научим, введем им «Риторику делового общения» или что-то аналогичное в программу вузовского обучения.

А кто преподавать будет? Нужны специалисты, которые могут научить говорить, писать, слушать и читать, т.е. понимать, на современном уровне. Такие специалисты у нас есть, но нужно больше (если я буду выполнять все просьбы о мастер-классах и курсовых занятиях, которые получаю от финансовых, юридических и переводческих структур, то на университет времени не останется).

И наконец, даже если будущие реализаторы программ строительства мирового финансового центра, развития банковского сектора на период до 2015 года, развития финансового рынка на период до 2020 года, развития страховой деятельности на 2008–2012 гг. захотят овладеть навыками эффективной профессиональной коммуникации... У них нет для этого базы, которая должна закладываться в школьном образовании. Прежде чем прыгать тройной тулуп, нужно научиться коньки зашнуровывать. Запятые нужно уметь ставить во фразе «Выдать кредит нельзя отказать».

Итак, лингвистическое обеспечение экономических инноваций – за пределами понимания министерства. Может быть, технологические инновации в лучшем

положении? Куда там! **Нет и не будет в ближайшее время в России необходимого ей количества людей, которые во всем мире называются technical writers.** Технические задания, технико-экономические обоснования, описания программных продуктов, технико-коммерческие предложения, инструкции будут писаться на удивительном недоязыке, отпугивающем многих потребителей.

Выхода два – оба очевидные. Либо этих горе-писателей с техническим образованием нужно учить, либо нужны специальные люди, которые будут писать вместо них или вместе с ними. **Без внятных технических текстов неэффективна ни передача информации внутри отрасли, ни продажа ее результатов конечному потребителю.** Но эта задача мелковата для нашего Минобраза.

Вместо того чтобы ее осознать и дать **филологическим факультетам страны задание совместно с математическими и кибернетическими факультетами подготовить определенное количество квалифицированных технических писателей за конкретный срок, выработать и узаконить требования к уровню этих специалистов и запустить систему государственной аттестации,** Минобраз решает задачи более серьезные – оптимизация и реорганизация неэффективных вузов.

О том, **насколько востребовано гуманитарное знание в западной медицинской науке и образовании,** можно получить представление в течение получаса. Набирая, например, в Гугле: narrative medicine, medical writers, communication doctor – patient, End-of-Life Care... Когда смотришь на то, что творит в этой области College of Physicians and Surgeons, Columbia University, хочется по-хорошему завидовать. Один набор семинаров, которых больше десятка предлагается каждый год, впечатляет: «Философия смерти», «Вера в медицинской практике», «Читать тело, писать о теле: нарратив женских болезней», «Медик как писатель», «Черно-белая фотография», «Рисование классической греческой скульптуры», «Художественная литература», «Искусство и внимание», «Почему произведения искусства значимы»...

Один из создателей успешно применяемой при подготовке и переподготовке врачей в Америке концепции гуманизации медицины, доктор Джерри Ваннатта приезжал в Россию, показывал свою программу Medicine and Humanistic Understanding: The Significance of Literature in Medical Practice. Не пригодилось.

Все вышесказанное приводит к двум неутешительным мыслям.

1) Призывы подтянуть российскую науку и образование «до мирового уровня» — цинизм высшей (точнее – низшей) пробы.

Во-первых, словосочетание «мировой уровень» не вызывает вопросов только у людей, полностью лишенных критического мышления. **Уровень разных отраслей науки в разных странах весьма разный. Проблемы развития науки и образования тоже разные.**

Во-вторых, в мире есть страны и страны. **При самооценке своих достижений крупнейшие ученые ориентируются не на абстрактный «мировой уровень», а на актуальные проблемы и то, как они решаются в отдельных странах.** Так, австралийцы, оценивая свою прикладную лингвистику на фоне мировых трендов, непременно отметят, что в некоторых направлениях впереди американцы, а вот кое-где более перспективны разработки канадцев («Australian applied linguistics in relation to international trends» (Baldauf, Kaplan 2010)), потому что, скажем, равняться на американцев в вопросе о сохранении родного языка лицами, осваивающими английский как второй, не получится: эту проблему они не решают.

Еще один пример национальной специфики. **В то время как отток квалифицированных специалистов из России на Запад, в первую очередь – в США, перестал у нас рассматриваться как национальная проблема (напротив, количество уехавших в зарубежные лаборатории и институты выпускников выступает как критерий состоятельности вуза), Америку волнует проблема отсутствия национальных научных кадров.**

Если количество рабочих мест в сфере науки и высоких технологий в США растет (по данным на июнь 2010 года) на 4,2% в год, то количество квалифицированных отечественных (U.S.-born) специалистов не способно удовлетворить эту потребность, показывая рост только на 1,5 % в год. Президент Rensselaer Polytechnic Institute Ширли Энн Джексон (Shirley Ann Jackson) в 2010 году охарактеризовала разрыв в этих количественных показателях как «quiet crisis» в американской науке и технологии.

Джексон, которую журнал Time в 2005 назвал «perhaps the ultimate role model for women in science» (она стала первой афроамериканкой, получившей в 1973 году докторскую степень в МТИ, работала профессором теоретической физики в Rutgers University и была председателем U.S. Nuclear Regulatory Commission), видит несколько причин сложившейся ситуации. Одна из них: подготовка высококвалифицированного физика-теоретика или ядерщика – дело долгое. Добавим – трудо- и затратнооемкое.

Пока что американская система образования с этим не справляется. **Глядя на меры, которые предлагает Джексон для исправления положения, ясно понимаешь, насколько эта система не годится на роль «мирового уровня», к которому нам следует стремиться.** Например: чтобы заинтересовать молодежь естественными науками, следует пораньше начинать обучение – «teaching them about the natural world early—building experiential science education into K-12—but also involving them in science outside of the classroom».

K-12 – это «от детского сада до старшей школы» (от 4-6 до 18-19 лет). В нашу традиционную школу такого рода естественнонаучное образование было встроено как неотъемлемый компонент.

В-третьих, общая тенденция к оспариванию ценности гуманитарного образования имеет разные проявления. Одно дело, когда в State University of New-York (University at Albany) сокращают русское, классическое и французское отделение, потому что студенты идут не на них, а на испанское и китайское (мир изменился). И то американские ученые находят аргументы в защиту урезаемых кафедр: статья Стэнли Фиша, профессора гуманитарных наук и права, «Официальное начало кризиса гуманитарных наук» (Stanley Fish, The Crisis of the Humanities Officially Arrives), опубликованная 11 октября 2010 года, на сайте Opinionator (Exclusive Online Commentary from the Times) собрала 469 комментариев. Но совершенно другое дело, когда за несколько лет при наличии конкурса в главном педагогическом университете одной из центральных областей России (Владимирской) количество мест для приема на филологию сокращается с 75 до 30.

У нас написано в Государственной программе «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы: «В сфере фундаментальных и поисковых работ будет обеспечиваться мировой уровень исследований, соответствующий уровню исследований в странах с лидирующей экономикой, высокая степень международного сотрудничества, гарантирующая адекватное понимание российским научным сообществом перспектив развития ключевых для мировой науки направлений». И текст этот читать нужно следующим образом: мы тебе, российское научное сообщество, сами объясним, какие ключевые направления тебе следует заметить и “адекватно понять”, а какие – не твоего ума дело.

2) Министерство образования и науки не только плохо соотносит свою деятельность с реальными потребностями общества и государства. Министерство не склонно к внимательному чтению законодательства РФ.

Иллюстрацией и того и другого утверждения может послужить опубликованная на сайте Министерства информация «о проведении третьего открытого публичного конкурса на получение грантов Правительства России для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих учёных в российских образовательных и научных учреждениях». Ключевые слова здесь – “грант Правительства России” и “государственная поддержка”.

“Гранты Правительства Российской Федерации выделяются в размере до 90 млн. рублей каждый на проведение научных исследований в течение 3 лет (2013-2015 гг.) с возможным продлением на 2 года. Обязательным условием является привлечение вузами и научными организациями внебюджетных средств в размере не менее 25% от размера гранта...” – все понятно, продолжаем читать дальше: “... **Заявки на участие в конкурсе составляются на русском и английском языках или на английском языке**”. Еще раз – грант Правительства России, государственная поддержка. Допущено представление заявки только на английском языке. Это Тау Кита или та же Россия, где живу я и где действует Закон о государственном языке?

Комментировать информацию о результатах первого и второго конкурсов я тоже не буду. Просто посоветую не забывать про выделенные выше ключевые слова:

“Первый конкурс на получение грантов Правительства России для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих учёных в российских вузах, был объявлен в июне 2010 года. На конкурс поступило 507 заявок от ведущих учёных совместно со 179 образовательными учреждениями высшего профессионального образования. 29 октября 2010 года Совет по грантам Правительства России для государственной поддержки научных исследований определил имена 40 учёных – победителей первого открытого публичного конкурса. Среди победителей 20 учёных имеют российское гражданство (из них 6 имеют двойное гражданство). Постоянно проживают в России — 5 учёных. Среди зарубежных учёных 10 имеют гражданство США (из них 4 имеют двойное гражданство), 7 — граждане ФРГ.

Второй конкурсный отбор был объявлен в апреле 2011 года. В конкурсе приняли участие 517 ведущих учёных совместно со 176 образовательными учреждениями высшего профессионального образования России. 21 сентября 2011 года Совет по грантам Правительства России определил имена 39 учёных — победителей второго открытого публичного конкурса. Среди победителей 19 учёных имеют российское гражданство (из них 13 имеют двойное

гражданство). Постоянно проживает в России 1 учёный. Среди зарубежных учёных 10 имеют гражданство США (из них 4 имеют двойное гражданство), 6 — граждане Франции, 4 — граждане ФРГ”.

Итак: из постоянно проживающих в России только один ученый в 2011 признан «достаточно ведущим» для того, чтобы получить грант. Вопрос: учитывая, что из победителей только двое – представители гуманитарных наук, а остальные – естественники, вы уверены, что у нас кризис именно humanities? Не science, точно? У нас что происходит: чтобы быть признанным в глазах Минобра «ведущим ученым», нужно постоянно проживать вне России? Или так: только проживание вне России дает возможность реально стать «ведущим ученым»? И то, и другое – повод для размышления министерских чиновников, но они заняты, у них мониторинг эффективности вузов.

О статье 3 «Закона об образовании»

В стране обсуждается проект «Закона об образовании». В нем есть статья 3, вразрез с которой идет вся текущая деятельность Минобра. Вычеркнуть такую статью, вроде бы, неудобно, правда, и реальных санкций за ее невыполнение, как и за невыполнение Закона о государственном языке, ожидать трудно. Вот эта статья:

Статья 3. Основные принципы государственной политики и правового регулирования отношений в сфере образования

Государственная политика и правовое регулирование отношений в сфере образования основываются на следующих принципах:

- 1) признание приоритетности сферы образования;
- 2) обеспечение права каждого на образование, недопустимость дискриминации в сфере образования;
- 3) гуманистический характер образования, приоритет жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности, трудолюбия, ответственности, уважения закона, прав и свобод личности, патриотизма, бережного отношения к природе и окружающей среде, рационального природопользования;
- 7) свобода в образовании согласно склонностям и потребностям человека, создание условий для самореализации каждого человека, свободное развитие

его способностей, включая право выбора форм получения образования и форм обучения, организации, осуществляющей образовательную деятельность, направленности образования в пределах, предоставляемых системой образования, предоставление педагогическим работникам свободы в выборе форм и методов обучения и воспитания;

8) обеспечение права на образование на протяжении всей жизни в соответствии с потребностями личности, непрерывность образования, адаптивность системы образования к уровню подготовки, особенностям развития, способностям и интересам человека...

Я не буду долго говорить о том, что **в сознании реформаторов нашего образования слова гуманистический (в пункте 3) и гуманитарный никак не соотносятся.**

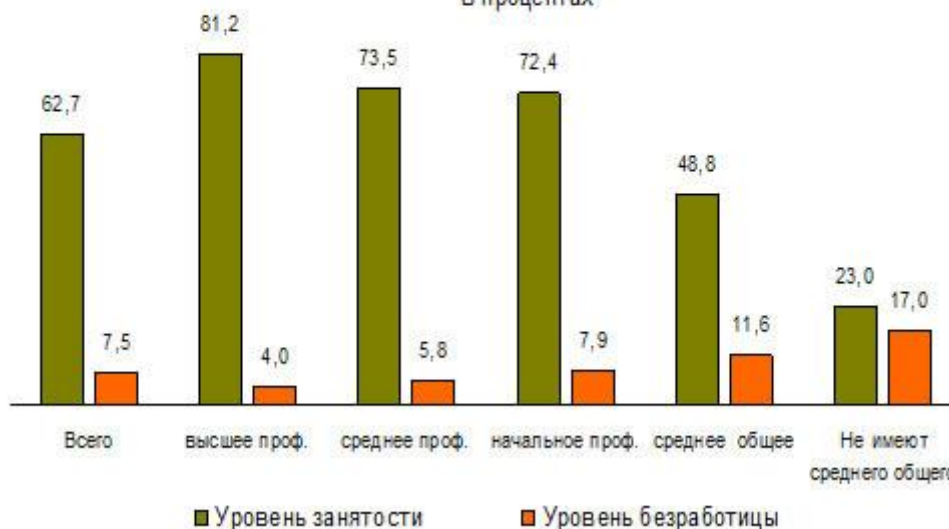
Лучшего «светского» способа обеспечивать в содержании образования то, что перечислено в пункте 3, чем через осмысленное чтение и обсуждение литературы (отечественной или иностранной, классической или современной – вопрос другого уровня, вопрос составления учебных программ), человеческая цивилизация пока не придумала. Вот изобретут способ воспитывать гуманистические ценности исключительно путем участия в биологических экспериментах или решения математических задач – тогда и придет пора сказать литературе: «Подвинься», а пока, извините, нет оснований.

Мне, хотя я интересовалась этой проблемой, **неизвестны никакие серьезные исследования, статистически или научно обосновывающие необходимость сокращения бюджетных мест в высшем образовании.** Зато известно, что произошло с городами, в которых были закрыты градообразующие предприятия. Также мне известно много мифов, например, о том, что люди с высшим образованием больше подвержены безработице. Что на деле?

«Статистические данные показывают, что **чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости и ниже безработица.** В 2010 г. уровень занятости среди населения с высшим профессиональным образованием) составил 81,2%, уровень безработицы — 4,0%, со средним профессиональным образованием, соответственно, 73,5% и 5,8%, начальным профессиональным образованием — 72,4% и 7,9%.

Существенно выше уровень безработицы и ниже уровень занятости среди населения, не имеющего профессионального образования, — в среднем 23,0% и 17,0%».

**Уровень занятости и уровень безработицы
в группах населения по уровню образования
в 2010 году**
в процентах

Иногда создается впечатление, что Минобр просто не следит за реалиями сегодняшнего дня. 27 ноября 2012 года замминистра труда и социальной защиты РФ Татьяна Блинова на расширенном заседании Комитета Совета Федерации по социальной политике информирует о том, что за последние годы произошли определенные изменения в структуре безработицы, как с точки зрения уровня образования граждан, оставшихся без работы, так и их возраста. Доля граждан с высшим образованием среди общего числа официально зарегистрированных безработных составляет 18 проц.

«Доля граждан со средним профессиональным образованием снизилась и составляет 17,5 проц., — рассказала Блинова. — Также снизилась доля лиц с начальным профессиональным образованием и составляет 18,4 проц.». По ее мнению, эта тенденция совершенно обратная той, которая отслеживалась в кризисный период. Тогда возросла доля среди безработных людей с высшим и средним профессиональным образованием, теперь они более востребованы. А люди, не имеющие профессии, напротив чаще остаются без работы...

«Произошло снижение доли молодежи среди безработных», — отметила Блинова. «Выпускники профессионального образования испытывают в меньшей степени трудности при трудоустройстве после окончания учебного заведения», — пояснила она. В то же время, произошел рост среди оставшихся без работы людей предпенсионного возраста. «Их доля увеличилась», — констатировала заместитель министра».

О нежелании и неумении играть на своем поле

Министр Ливанов все время принимает линкор, у штурвала которого он стоит, за маленькую контрабандистскую лодочку, парус которой «белеет... такой одинокий, на фоне больших кораблей». Рефлекс «задрать штаны, бежать за комсомолом» является преобладающим. Потребно играть только на чужом поле, соответствовать чужим рейтингам, чужим ожиданиям, пробиваться в чужие журналы, стремиться к чужим целям. Реформаторы образования стремятся быть теми придворными, которые играют короля (чужого), вместо того чтобы «вырастить Бабу-Ягу в своем коллективе».

Нет бы им выстроить логику: «Интерес к изучению русского языка за рубежом падает. Надо поддержать и стимулировать этот интерес (см. деятельность Института Гумбольдта, Института Конфуция, Британского совета и т.п.) Надо «пригреть» западных русистов старшего и среднего поколения, чтобы не опускали руки, надо студентам – стажировки, для активно работающих специалистов – солидные журналы и представительные конференции...»!

Да что я тут рассказываю – XXI век на дворе: с помощью пиар-технологий и правильных маркетинговых стратегий можно бурундука продвинуть в царя зверей, не говоря уже о том, чтобы правильно позиционировать русский язык на мировом рынке. Нет, избрана логика противоположная: «Позиции русского языка в мире ослабляются. Так и нам его не надо».

А «у них»? А «у них» все продумано. По каким группам выстраивается рейтинг QS World University Rankings by Subject — Arts & Humanities?

- Philosophy
- Modern Languages
- Geography
- History
- Linguistics
- English Language & Literature**

«Английский язык и литература» — отдельно. Что тут сказать? Молодцы. А мы почему не хотим учредить рейтинг мировых университетов и научных центров по изучению русского языка и литературы и самостоятельно «раздавать слонов»? Технологии раскручивания рейтинга и придания ему значимости отработаны. Было бы желание.

Почему мы не хотим противопоставить ISI собственный наукометрический индекс? Свой список журналов, со своими условиями вхождения. Почему мы придаем заморской цацке статус идеала? Европейские ученые вопрошали в свое время: «Is there life beyond ISI?» Почему бы не откликнуться на их вопрос, предложив миру рейтинг научных публикаций, обеспечивающий равноправие национальных языков? Слишком смелый шаг для наших чиновников от образования? Напоминаю: у нас не контрабандистская лодочка. У нас солидное судно, за него не надо постоянно извиняться перед мировым сообществом.

А если уж так хочется именно ISI, не вижу причины, по которой, при условии планомерной, активной организационной и финансовой поддержки со стороны государства, мы бы за пару лет не имели по каждой отрасли нужное число своих высокорейтинговых журналов, в которых бы печатались на русском и английском языке ведущие ученые мира.

Возможно, существуют причины, которые привели к принципиально иному курсу: а ну всем печататься по-английски в зарубежных журналах! Однако никакого разумного аналитического обоснования, почему так, а не иначе, я не видела. Предполагаю, что сопоставительного изучения того, насколько целесообразно концентрировать усилия научного сообщества России на представленности в журналах западных рейтингов, по сравнению с созданием альтернативной системы индексирования или достаточного спектра отечественных журналов, входящих в ISI или Scopus, никогда не проводилось. Направление приложения усилий определено «из воздуха».

О концепциях и «пузомерках»

Реформаторы науки и образования все время забывают о том, что ученые – люди умные. А умные люди всегда между собой договорятся и выяснят, кто круче. Но это сейчас общая мировая тенденция – не позволить ученым самостоятельно «пузом меряться».

Действительно, если ученые и университеты просто будут сами про себя знать, кто в каком направлении исследований и обучения лучше, а кто хуже, то на этом совершенно нельзя никаким третьим лицам и организациям заработать. Ни на рейтингах, ни на индексах, ни на мониторингах, ни на обработке статистических данных, составлении и публикации графиков и диаграмм. Никто под это не получит финансирования

белого и прихода из серых и черных источников. Никому не удастся науковедение и наукометрию превратить в выгодный бизнес.

Поэтому надо что? **Надо создать систему учета научных результатов, которая притворится, что обслуживает науку, а на самом деле будет науку потихоньку порабощать: искусственно уменьшать количество языков, на которых можно публиковаться, журналов, в которых следует публиковаться, университетов, с которыми рекомендуется сотрудничать и т.п. Эта систем создает массу рабочих мест для «учетчиков» науки, как всякий трухлявый ствол – места для грибов-паразитов.**

Но прежде чем посчитать результат, надо его получить. Оказывается, нарастить грибов-паразитов можно и front end (на начальной стадии), и back end (на конечной стадии процесса). Вот все обсуждают: деятельность Минобрнауки – это глупость или злонамеренное преступление? На мой взгляд, **один из главных корней зла - системная ошибка, состоящая в том, что планирование деятельности отделилось от самой деятельности и стало финансово оцениваться – да еще как оцениваться! – отдельно.**

Составление планов, разработка концепций, создание программ, в общем выпиливание лобзиком путеводных звезд, приобрело значимость, возвышающуюся над тем, что планируется, и осознаваемую как самоцель. Если в советское время планирование и выработка программ (подъема сельского хозяйства в стране, культмассовой работы в 5 «А» классе и т.п.) было частью повседневной рутины чиновника – государственного, местного, партийного, комсомольского, то сейчас под это выделяются отдельные и не маленькие средства и «предварительное бумаготворчество» рассматривается как отдельный этап работы.

Вспоминается встреча с руководительницей одного из наших республиканских вузов, к которой мы с коллегой, работающей в этом вузе, зашли по поводу совместной образовательной программы. Программа жила уже второй год, нужно было дооформить кое-какие документы. Начальственная дама пожурила двух наивных профессоров: не так все делаете – работаете, а концепции нет, кто же под это даст финансирование? Главная ошибка, которая была обнаружена в нашей деятельности: в плане работы в первый же год значилась собственно работа.

«Вот и работаете за копейки. А вы напишите в первый год отдельным пунктом – создание концепции, потом – разработка поэтапного плана ее реализации, потом – подготовка соответствующих документов, потом – подписание

соответствующих документов. И везде исполнителей и необходимые средства». «Век живи – век учись», — подумали мы с коллегой. И концепция, и учебно-тематические планы, и все, что полагается для ведения образовательного процесса, у нас, конечно, было, но вынести создание всего этого в отдельную стадию и потребовать на нее финансирование нам и в голову не пришло.

Тут можно посетовать на нашу экономическую отсталость. Можно, но бесполезно. Я глубоко убеждена, что создание концепций и планов – личное дело каждого, кто собирается что-то сделать, и неотъемлемая часть процесса. Оплате подлежит совокупно с реальным делом.

Однако в системе управления наукой и образованием на почетном месте именно концепт-мейкер. В результате этого изъяна в системе и федеральная программа «Русский язык» разметана не на реальные дела, а на исследования, составление концепций да мониторинги.

О ЕГЭ

Совершенно не понимаю, как можно защищать данный механизм контроля результатов освоения предмета «русский язык», если этот механизм

а) принципиально не соответствует новому ФГОС для основной школы (кстати, довольно удачному);

б) абсолютно не проверяет те компетенции, которые требуются выпускникам школ для успешного продолжения жизни (будь то обучение в вузе, работа на производстве, осуществление своих гражданских прав и обязанностей и т.п.), а следовательно не ориентирует школьное образование на формирование этих компетенций (а вот ФГОС – ориентирует).

Абсурдной мне представляется и мессианская идея ЕГЭ как орудия победы над коррупцией в вузах. Есть коррупционеры – выявите и судите. А устранять вузы от отбора тех, кого они будут учить – безвыигрышная практика. **У нас ведь что получается? Школа выдает свой конечный продукт, а работодатель – по замыслу образовательной реформы — диктует, что должно быть конечным продуктом вузовского образования. Одни говорят – берите, что у нас получилось, вторые – дайте нам то, что нам нужно.**

Вуз в этой вилке оказывает образовательные услуги. Спрашивается: как? Как мне из котлеты приготовить яичницу? Право самостоятельно экзаменовывать абитуриентов на входе у вузов уже отняли, право

самостоятельно аттестовать выпускника на выходе – собираются отнять. Не странно ли, что в цепочке одно слабое звено? Школе – полное доверие, работодатель – царь и бог, только вуз не знает ни потребностей рынка, ни методик контроля входных и выходных компетенций.

О том, почему я уверена, что проводимые реформы негативно скажутся на качестве образования

Хотя я и гуманитарий, но люблю цифры и люблю, чтобы, по выражению акад. И.П. Павлова, ум приходил «в непосредственное общение с действительностью». Что будет, когда нынешнее поколение школьных учителей-словесников сменится нынешним поколением студентов педвузов?

Сейчас в школе работают специалисты хорошие и плохие, но все они а) как минимум дважды проверены на владение связной речью (школьное итоговое сочинение и вступительное сочинение в вуз; б) изучали в старших классах средней школы два полноценных предмета «русский язык» и «литература»; в) обучались в вузе 5 лет (специалитет).

В результате смены поколений, если образовательная реформа не даст задний ход, в школу придут учителя, среди которых тоже будут талантливые и «серые», ответственные и безответственные, но а) никто из них не прошел проверку на владение связной речью (неотъемлемое качество учителя, и не только словесности) в виде сочинения; б) в старших классах они изучали вместе с будущими «физиками и ботаниками» единый предмет «русский язык и литература» с обязательным ЕГЭ только по русскому языку; в) они обучались в вузе 4 года (бакалавриат) – магистров филологии в областных и даже республиканских университетах либо не предусмотрено вовсе, либо это «штучное производство».

Никаких образовательных супертехнологий, которые позволяют компенсировать уменьшившееся время обучения его интенсивностью, в нашей системе подготовки учителей не имеется. Учившийся меньше и будет «знать, уметь, владеть» меньше и хуже. Далее – как снежный ком. Если не остановим сейчас.

<http://www.pravmir.ru/zapiski-inoplanetyanina1/>